

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем печатать статьи из капитального труда, посвященного анализу семи поколений московских философов¹. В данном номере представлена часть трудов философов поколения 2000-х годов. Сердечно благодарим руководителя авторского коллектива, члена-корреспондента РАН, профессора РАН Юлию Вадимовну Синеоку за разрешение на эту публикацию.

В.П. Макаренко

ВРЕМЯ ПОИСКОВ²

А.Г. Жаворонков
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья посвящена моему опыту перехода в философию в контексте кризиса институциональной философии в России и в Европе во второй половине 2000-х и 2010-х годах, наиболее затронувшего молодые поколения философов [Жаворонков 2022: 827-837]. Первая часть посвящена некоторым событиям и условиям, повлиявшим на мой выбор философии в качестве основного предмета занятий. Во второй части я сравниваю ситуацию кризиса университетской философии в Германии с ситуацией в России – из перспективы молодых поколений философов. В заключительной части я пишу о своем опыте работы в Институте философии РАН и высказываю некоторые соображения о возможных и потенциально интересных для молодых поколений философов перспективах развития философии в России.*

Ключевые слова: *философское поколение, кризис философии, философия и социальные науки, Россия и Германия, Институт философии, история философии.*

Говорить об исторических событиях лучше всего с большой критической дистанции. Рассказывать об особенностях поколения точно так же удобнее всего, когда последнее не только сформировалось, но и прошло большую часть своего пути³. Ситуация и перспектива новых поколений философов сложна и меняется столь стремительно, что изобразить ее неиз-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 827–837.

³ Деление на философские поколения представляется сложной задачей уже по причине многообразия возможных подходов. Говорим ли мы лишь о возрасте тех, кто занимается философией? Или о часто сменяющихся сезонах философской моды? Или же речь, в более монументальном смысле, о доминирующих школах?

бежно получится лишь фрагментарно, без претензии на возможность говорить от лица сообщества или предложить обобщенное описание периода новейшей истории философии. В свою очередь, в выборе перспективы для такого взгляда проще всего опереться на отдельный вопрос или тему, очевидно значимую для современного поколения. Именно поэтому речь в дальнейшем пойдет не только о моей собственной перспективе, не претендующей на обобщение опыта философского поколения, но и о некоторых сходствах и различиях современной российской и немецкой институциональной философии – из перспективы кризиса гуманитарных наук и его влияния на новые поколения философов.

1

Путь, приводящий в философию, часто совсем не линеен. В моем случае он проходил через античную культуру, занятия классической филологией и редакторскую работу над русским собранием сочинений Фридриха Ницше. Интерес к античности сформировался у меня еще в средней школе благодаря урокам латинского языка и культуры, которые вела выпускница кафедры классической филологии Наталия Щавелева. Уроки велись по написанному ею совместно с латинистом Александром Подосиновым пятитомному учебнику «Lingua Latina. Введение в латинский язык и античную культуру», в котором темы по грамматике и лексике сопровождались чрезвычайно занимательными, прекрасно иллюстрированными статьями об истории и культуре Древнего Рима. Именно благодаря урокам латинского языка я увлекся античной археологией, а затем и классической филологией.

Другой важной сферой интересов, которую определяли не только школьные занятия, была классическая русская литература и история. Из школьных преподавателей на мой выбор тем и читательской перспективы особенно повлияла Любовь Тимина, которая вела у нас занятия по русскому языку и литературе. Ее уникальная, наглядная система объяснения правил русского языка была настолько эффективной, что не запомнить даже самые сложные из них было непростой задачей. На уроках литературы она всегда с увлеченностью рассказывала о любом, даже (на взгляд уставшего от уроков школьника) не самом интересном произведении, всегда выводя разговор и на современные нам темы и вопросы. Помимо круга общения моей семьи, о котором я скажу чуть дальше, именно уроки литературы давали возможность развивать критическое мышление в школьные годы.

Интересу к Античности сопутствовал мой интерес к социальным наукам, сформировавшийся в 1990-х годах, на фоне масштабных и крайне важных социальных и политических изменений, происходивших в России. К обретенному ощущению открытости, широты мироощущения и свободы в выборе действий в 1990-х годах добавилась взрывной рост количества интересных, часто совершенно новых переводных книг по философии, политологии, социологии, истории и другим наукам. По этой причине 1990-е были для меня не только временем значимых событий, за которыми я внимательно и с интересом следил, хотя и не всегда в полной мере понимая их причины и следствия. В тот же период много читал и собирал обширную библиотеку, преимущественно по античным темам и европейской истории (обширная библиотека книг по философии в нашем доме уже была).

Одним из важных символов нового времени, который я имел возможность наблюдать с близкого расстояния, было появление издательства и магазина «Ad Marginem». В середине 1990-х вокруг него сформировался круг интеллектуалов, многие из которых входили в число коллег и учеников Валерия Александровича Подороги, одного из наиболее оригинальных и выдающихся современных российских философов. В круг Подороги, ядро которого составляли сотрудники его лаборатории постклассических исследований, а с 1997 года сектора аналитической антропологии, входила и моя мама Елена Ознобкина. Она часто приводила меня

в магазин «Ad Marginem» в те дни, когда там собирались ее друзья и коллеги, в том числе и сам Валерий Подорога, с которым мама до своей смерти не только работала, но и близко дружила. На период расцвета магазина «Ad Marginem» пришлось и мое увлечение литературой по античным темам, которая составляла существенную часть доступных в магазине книг.

Другие два важных круга общения для меня составляли правозащитники, с которыми также работала моя мама, и журналисты, с которыми работал мой отец. Моя мама была редким примером того, как в России можно успешно совмещать глубокие занятия философией и правозащитную деятельность. В правозащитной среде в круг ее знакомых и коллег входили члены Фонда защиты гласности, сотрудники «Мемориала» и Центра содействия реформе уголовного правосудия, члены редакционной коллегии правозащитных журналов «Индекс/Досье на цензуру» и «Неволя», в издании которых она активно участвовала, а также многие другие. Неудивительно, что, помимо тем философских, в нашем доме активно обсуждались и темы социально-политические, от вопросов реформы системы наказания в России до общих проблем, связанных с понятием человеческой свободы и базовыми гражданскими правами.

Сама природа журналистской профессии во все времена предполагала необходимость иметь большое число знакомых и друзей в самых разных сферах. Не был исключением и мой отец Геннадий Жаворонков, в 1990-х годах работавший в «Московских новостях», а затем в «Общей газете». В нашу арбатскую квартиру, располагавшуюся в доме Булата Окуджавы, почти каждый день заходили гости – от журналистов, писателей, художников и ученых до политиков, а подчас и представителей криминального мира. Особенно важной и для отца, и для мамы была начавшаяся еще в 1980-х дружба с женой академика Андрея Сахарова, известной диссиденткой и правозащитницей Еленой Боннэр. Отец близко дружил и с самим академиком Сахаровым, но мне с ним, к большому сожалению, удалось пообщаться лишь один раз – у него в гостях. Позднее, в 2006 году, отец опубликовал книгу о Сахарове и Катынском деле, которое расследовал в период начала дружбы с ним.

Мой постепенный переход от занятий классической филологии к философии произошел во второй половине 2000-х годов, после окончания обучения классической филологии в МГУ и поступления в аспирантуру РГГУ. В этот период я вместе с мамой начал участвовать в подготовке русского собрания сочинений Фридриха Ницше, а в 2008 году поехал в Германию для поступления в аспирантуру по философии в Гумбольдтовском университете. Причина выбора в пользу философии была не только в том, что благодаря маминым занятиям европейской философией в нашей семье обсуждение философских тем и текстов было делом вполне обычным. Важную роль сыграло и то, что философия давала мне ощущение большей свободы в выборе подходов и тем, которую не могла дать филология. В каком-то смысле переход в другую область был и методологическим вызовом, по выражению Нелли Васильевны Мотрошиловой, с которой у нас состоялся разговор на эту тему— уже в Германии, после моего переезда в Берлин.

2

Так получилось, что мой переход в академическую философию, совпавший с началом длительного пребывания в Германии и обучения в аспирантуре Гумбольдтовского университета, пришелся на тот период, когда философия в Европе и в России столкнулась с серьезными институциональными вызовами, за последнее десятилетие серьезно изменившими ее ландшафт. И хотя точку отсчета кризиса можно отнести гораздо дальше, говоря о диспропорциональном присутствии гуманитарных наук в университетах начиная с 1960-х годов или же рассуждая о постепенном установлении доминирующей роли аналитической философии в США, а затем и в Европе, наиболее явные институциональные изменения, на мой взгляд,

начались в 2008 году. Этот год был переломным не только для новых поколений немецких философов и представителей других гуманитарных направлений, но и для немецких университетов в целом. Во второй половине 2000-х годов в Германии стал отчетливо заметен серьезный кризис гуманитарных наук. Назревал он уже давно, с середины XX века, и лишь стал более заметен на фоне экономических проблем и последующих реформ образования, затронувших большую часть европейских стран. Многие из тех, кто защищался по гуманитарным специальностям и рассчитывал продолжать академическую работу после окончания аспирантуры, столкнулись лицом к лицу с суровой реальностью изменившихся обстоятельств, в которых количество стипендий и контрактов было крайне ограничено, а карьерные перспективы выглядели туманными даже при очень хороших достижениях и публикациях.

Кризис институциональный сопровождался и кризисом содержания. Те, кто интересовался историей философии и другими «непрестижными» направлениями, часто предпочитали менять специализацию, занимаясь – не всегда с удовольствием и успехом – более перспективной аналитической философией, в ее весьма специфическом понимании, отличавшемся от англоязычных стран узостью направлений и тем⁴. Постепенная смена поколений и сокращение неаналитических кафедр в немецких университетах в конце 2000-х и в течение 2010-х годов существенно изменило ландшафт академической философии, что не могло не повлиять и на поколение тех, кому еще предстояло выбрать свой самостоятельный путь⁵. Разумеется, история философии и другие «несчастливые» направления не умерли полностью, хотя и были изгнаны из ряда университетов. Кроме того, в наиболее крупных университетах, которые могли позволить себе относительно большое число философских кафедр, изменения происходили постепенно, в несколько этапов. В Гумбольдтовском университете, в котором я работал над своей диссертацией о Ницше и Гомере с 2009 по 2013 год, аналитическая трансформация в целом завершилась лишь во второй половине 2010-х годов.

Сужение горизонта немецкой философии имело ряд существенных последствий. Ориентируясь на всё более формальные – преимущественно количественные, а не качественные – критерии, предъявляемые многими университетами и научными фондами, философия стала двигаться в сторону большего наукообразия и усложнения языка, нередко в ущерб доступности аргументов, широте перспективы и актуальности содержания. Падение интереса к собственной философской традиции привело к ощущению того, что немецкая философия теряет свою уникальность, становясь все более зависимой от других традиций. В качестве протестного ответа на эти события возникли новые философские объединения, в основном не вокруг университетских кафедр, а вокруг традиционных философских обществ, часть из которых стала работать в новом, во всех смыслах доступном для широкой публики формате⁶. (Разумеется, возникло и большое число совершенно новых обществ и сообществ, декларировавших иные, более свободные от формальных требований принципы философии.) В университетской среде, в первую очередь среди молодых ученых, сужение возможностей для фи-

⁴ В частности, немецкая аналитическая философия явно злоупотребляла философией языка, преимущественно игнорируя вопросы социальной и политической философии или значительно преуменьшая их значимость. Кроме того, однообразие учебных программ, в частности уделявших мало внимания античной философии (за исключением Аристотеля) и немецкому идеализму, нередко вызывало вполне справедливое недовольство студентов. Хочется надеяться, что в свете новой популярности философии Канта и Гегеля, а также значительного роста интереса к политической философии в последние годы эти проблемы будут постепенно разрешены.

⁵ Изменение ситуации с исследовательскими стипендиями я смог почувствовать и на собственном примере: после успешной работы над темой моей диссертации в веймарском архиве с октября по декабрь моя стипендия не была продлена (что раньше было бы редкостью), поскольку финансирование исследователей на следующий, 2009 год было сокращено в несколько раз.

⁶ Одним из наиболее важных примеров такого рода является Общество Карла Ясперса в Ольденбурге, организующее большое количество открытых мероприятий по европейской философии и литературе XX века.

нансирования работы привело к тому, что длительные индивидуальные проекты стали уступать место краткосрочным. Последние же теперь нередко ориентировались на сиюминутную моду в ущерб важным, но напрямую не связанным с текущими дискуссиями темам. Конечно, упомянутое обстоятельство имело и свою положительную сторону, предоставляя дополнительные аргументы в пользу актуальности философии. В то же время особенности новой ситуации неизбежно приводили к изоляции и маргинализации молодых философов, ставя подчас непреодолимые препятствия на пути формирования долгосрочных внутриуниверситетских исследовательских групп и сообществ.

И все же, несмотря на уже заметные кризисные изменения, конец 2000-х годов был временем важных философских событий и живых дискуссий в немецких университетах. Наиболее важными точками притяжения в Берлине для меня были философские лекции профессоров Фолькера Герхардта и Кристофа Раппа. Фолькер Герхардт олицетворял собой образец человека, успешно совмещающего академическую и публичную деятельность: возглавляя кафедру практической и социальной философии на философском факультете Гумбольдтовского университета, он одновременно входил в Немецкий комитет по этике и в целый ряд других академических и неакадемических организаций, был одним из основателей Немецкого общества по исследованию политического мышления (DGEPD) и первым директором восстановленного после объединения Германии Института философии в Гумбольдтовском университете. Широта спектра его интересов, охватывавшая философию Канта и Ницше, Гегеля и Ясперса, Маркса и Арендт, а также этику, эпистемологию, политическую и социальную философию, во многом определяла его живой, фокусирующийся на больших вопросах, а не на выстраивании цепочек мелких аргументов стиль письма, в последнее время все реже встречающийся в университетской среде Германии. Его прекрасный талант оратора всегда привлекал большое число слушателей на его лекции и семинары: их популярность была столь высока, что и после своего официального выхода на пенсию Герхардт по просьбе руководства университета продолжал их организовывать (что в немецких университетах явление не слишком частое). Кристоф Рапп, в то время восходящая звезда немецкой философии, уже тогда считался одним из ведущих немецких специалистов по Античности и по ее рецепции в Европе и возглавлял масштабный академический проект по этой теме, объединявший философов, историков, филологов и культурологов. На своих лекциях, на которые он всегда приходил одетым в нарочито нестрогом стиле, ему всегда удавалось свежо и доступно представить самые сложные проблемы античной философии – не в виде изолированных докладов по отдельным мыслителям, а в форме широкой картины, дававшей четкое представление об основных дискуссиях и традициях мысли.

Не менее важным центром был организованный Гельмутом Хайтом, в то время доцентом Технического университета, а сейчас – главой Коллегии Ницше в Веймаре, коллоквиум по философии Ницше, объединивший студентов, аспирантов и профессиональных исследователей из самых разных стран, от Китая, Южной Кореи и Японии до Германии, Италии, Бразилии и США. Студенческие и аспирантские доклады, нередко представляющие собой первую пробу пера в публичном пространстве, чередовались с выступлениями мэтров современного ницшеведения – Вернера Штегмайера, Гюнтера Абеля, Андреаса Урса Зоммера, Ванессы Лемм и многих других. Во всех случаях дискуссия была оживленной и, в полном соответствии с немецкими традициями, после окончания двух отведенных на мероприятие часов неторопливо переносилась из университета в ближайшее кафе.

Одной из важнейших и пока редких в России форм коммуникации между молодыми специалистами были организованные профессорами регулярные аспирантские семинары. Порядок организации семинаров мог сильно различаться, но во всех случаях основной идеей было предоставить студентам, аспирантам и молодым ученым возможность делать доклады

по темам их работ и подробно обсуждать их между собой. В случае с семинаром профессора Герхардта количество участников никогда не опускалось ниже 15–20 человек, так что обсуждение докладов оказывалось существенно более плодотворным, чем их представление на секциях больших конференций, аудитория которых часто была менее заинтересована или многочисленна, а докладчики оказывались связаны по рукам и ногам жестким регламентом. Внутри аспирантского семинара, объединявшего не только тех, кто занимался историей философии, образовывались и кружки меньшего размера. Одним из них был и собиравшийся в моей квартире на Baseler Strasse в юго-западной части Берлина «Базельский кружок», члены которого – аспиранты из Германии, Италии, России, Южной Кореи, Японии и США – читали и разбирали тексты Ницше, уделяя особое внимание его центральной работе «Так говорил Заратустра».

Проведенные мной в Германии годы, давшие ценный опыт общения с молодыми философами из самых разных стран, показали мне, что проблемы молодых поколений философов, в общем-то, универсальны – как универсальны и возможные способы их преодоления. Развитие дистанционных форм обучения не отменяет, а ставит более остро проблему нехватки хороших преподавателей, уровень которых определяется не формально-количественными критериями эффективности, а умением заинтересовать аудиторию, не упрощая содержание, но по возможности рассказывая доступно и ярко даже о самом сложном. Нехватка стабильных мест работы рождает новые формы сотрудничества вне жесткой институциональной привязки. Усталость от постоянного повторения старых тем подталкивает к поискам новых, неочевидных подходов, доказывающих, что философия наиболее сильна там, где она не загоняет себя в жесткие рамки единообразной традиции. Разумеется, при всех сходствах проблем и их возможных решений, кризис философии в России, развивавшийся почти параллельно с европейским, нельзя с ним полностью отождествлять. В Европе и в России философия была затронута реформой образования, направленной преимущественно на сокращение финансирования и предполагавшей переход к количественным методам определения эффективности. Однако, если ограничиться сравнением Германии и России, легко заметить, что исходная ситуация и основные вехи развития кризиса существенно различались. Если в Германии для молодых поколений философов, в первую очередь, серьезно усложнились условия поисков финансирования и постоянной работы, а реформа образования была не слишком радикальной (в отличие от Италии, Испании и ряда других европейских стран), то в России основной проблемой стало снижение зарплат и растущие требования к эффективности работы, измеряемой индексами цитируемости научных публикаций и присутствием научных журналов в реферативных базах периодики. И в случае Германии, и в случае России эти изменения привели к схожим результатам: многие из тех, кто планировал академическую карьеру, предпочли уйти в другие области. Но если в Германии количество тех, кто профессионально занимается философией, все равно осталось достаточно большим, то в России кризисные изменения усугубили и без того острую (еще с 1990-х годов) проблему нехватки молодых специалистов.

Различия между немецкой и российской перспективой не ограничивались формальными изменениями. В Германии параллельно с новой волной распространения аналитической философии сужалось пространство для других направлений, а на историю философии, якобы интересующую лишь тех, кто не способен мыслить самостоятельно, оказывалось постоянное давление даже в философской среде. В России, где труды многих выдающихся мыслителей еще ждут своей очереди на перевод, качественное издание и интерпретацию, история философии пока смогла защитить свой статус одного из важнейших направлений, а аналитическая философия, только в последнее время начавшая упрочивать свои позиции, по всей видимости сможет избежать опасности ложной универсализации и замкнутости в узком пространстве теорий 1960–1980-х годов, как это произошло во многих университетах Германии. С другой стороны, у нас,

как и до кризиса 2000-х годов, по-прежнему почти отсутствует ряд важных для западной философии направлений, в частности философия права.

3

Между 2000-ми и серединой 2010-х годов в России, как и в Германии, произошли существенные институциональные изменения, хотя и несколько разного рода. Реформа образования, затронувшая как университеты, так и Российскую академию наук, не только уменьшила количество вузов, но и, в частности, существенно сократила возможности для занятий гуманитарными науками. В отличие от Германии, в России были введены унифицирующие критерии оценки ценности публикуемых результатов исследований, зависящие не от репутации изданий или экспертного мнения их рецензентов, представляющих академическое сообщество, а от формальных статистических данных цитируемости журналов и статей. Развитие российской философии эти критерии не помогли, а серьезно повредили, сузив количество форматов исследований и существенно повлияв на выбор будущих тем. Не решили реформы и прежних проблем российской философии, лишь углубив атомизацию профессионального сообщества и не восполнив нехватку квалифицированных специалистов, необходимых в самых разных областях – от критического издания текстов и рецензирования статей в профильных журналах до организации международных проектов и мероприятий.

Несмотря на происходившие в российской академической среде изменения, Институт философии РАН, в котором я стал работать по возвращении из Германии в 2017 году, по моему мнению, всегда оставался одной из наиболее удобных академических площадок в России, подходящих как для индивидуальных, так и для долгосрочных коллективных проектов. Связано это не только со структурой института и составом его сотрудников, но и с возможностями и общей атмосферой работы. В институте представлено огромное количество философских направлений и тем, что открывает широкие возможности для консультаций и обмена мнениями с самыми разными специалистами – представителями всех философских поколений. Способы подобной коммуникации могут быть как формальными (например, в рамках совместной организации проектов), так и неформальными – во время регулярных встреч, на которых нередко совершенно спонтанно происходят крайне интересные и важные обсуждения актуальных тем. Кроме того, сам формат института, находящегося в структуре РАН, благоприятствует работе над большими проектами, среди которых не в последнюю очередь академические (критические и/или комментированные) издания работ философов. Лично для меня в этой связи наиболее ценна возможность работы над изданиями немецких философов – Канта, Ницше, Арендт и др. Третий, не менее важный аспект – регулярные совместные мероприятия, в первую очередь организованные Юлией Вадимовной Синеокой лаборатории для магистрантов и аспирантов, на которых они могут представить темы собственных проектов как широкой аудитории, так и ведущим специалистам в своей области, а также межинституциональные, в том числе организуемые совместно с западными коллегами, круглые столы и семинары.

Сектор истории западной философии, сотрудником которого я являюсь, один из самых больших в институте. Помимо возможности опираться на уже имеющееся огромное исследовательское наследие, сектор предоставляет возможность заниматься широким спектром тем, от античной философии до западной философии XIX–XX веков. С точки зрения преемственности и перспектив развития истории философии в России крайне важно, что в секторе работают представители всех нынешних российских философских поколений и что в нем есть специалисты по всем основным периодам западной философии. Одним из примеров такой преемственности – коммуникации и сотрудничества старшего поколения с поколением моло-

дым – для меня является Нелли Васильевна Мотрошилова⁷. С удовольствием помогая мне и молодым коллегам, она своей работой всегда задавала высокую планку для историко-филологических исследований, на собственном примере доказывая их значимость и актуальность – в том числе для современных общественных дискуссий.

Хотя институт уже активно сотрудничает со многими философскими организациями по всему миру, одним из весьма желательных направлений его развития представляется расширение кооперации с западными исследователями как индивидуальной, так и коллективной – на уровне философских обществ и институтов. Другим важным направлением представляется развитие библиотечного фонда, в том числе за счет международных электронных баз статей и монографий. Разумеется, главным условием постепенных улучшений всегда был и остается верный выбор общей стратегии и благоприятный характер внешних факторов. Хочется надеяться, что институт, как и Академию наук, ждет длительное устойчивое развитие по австрийскому сценарию, а не вызванный внешними вмешательствами кризис по сценарию венгерскому.

От своего поколения и от поколения младших коллег – в том числе и коллег по институту – я, в первую очередь, жду готовности к совместным проектам не только в рамках философской тематики, но и в междисциплинарных областях. В выборе тем и методов анализа я ожидаю не в последнюю очередь понимания условий, в которых находится современная академическая философия. В современных обстоятельствах прагматического подхода к образованию и научной работе, еще более заметного на фоне кризиса гуманитарных наук, философии оказывается все труднее защищаться от упреков в оторванности от реальности. Тезис о том, что философия не производит никакого «продукта», не способствует научному прогрессу, далека от широкой аудитории и тем самым не несет в себе никакой экономической, научной или просветительской пользы, звучит снова и снова – и, к сожалению, далеко не всегда встречает внятные ответы. Реакция философии, состоящая в, как правило, совершенно не нужном усложнении своего языкового аппарата, якобы позволяющем убедительно продемонстрировать ее особость и уникальность, не решает основных проблем, а, напротив, лишь углубляет дистанцию по отношению к неакадемической аудитории, усиливая впечатление оторванности философии от жизни. По моему личному впечатлению, нынешнее поколение молодых философов как в России, так и в Европе хорошо ощущает эту опасность и постепенно находит свои собственные рецепты мышления в эпоху продолжающегося кризиса, в которую, как представляется с учетом исторического опыта, именно на философии лежит большая задача по поиску новых путей осмысления и нахождения общей почвы для коммуникации и кооперации, преодолевающей социальную и академическую атомизацию.

Как я уже упоминал, одной из наиболее перспективных форм развития на будущие десятилетия мне представляется сотрудничество философии с другими, в первую очередь социальными, науками. Именно в этой сфере лежат и многие ключевые темы и вопросы, интересующие как старшие, так и новые поколения философов: проблема справедливости, вопросы о природе и механизмах разрешения социальных конфликтов, проблема кризиса демократических институтов в условиях размывания понятия демократии, культурные влияния новых форм коммуникации и творческого самовыражения и многое другое. Изучение этих и подобных им тем требует методологической гибкости и способности смотреть на проблему сразу из нескольких перспектив (в том числе обязательно не забывая и об истории философии, но никогда не ограничиваясь лишь ею), готовности к широкой кооперации и постоянно-

⁷ Нелли Васильевна дружила с моей мамой и всегда очень ценила ее работу – как философскую, так правозащитную. Кроме того, в свое время именно благодаря Нелли Васильевне состоялось и мое знакомство с будущим научным руководителем моей немецкой диссертации профессором Фолькером Герхардтом.

му расширению связей, не только в рамках академических институций, а также смелости в поисках новых перспектив анализа, за пределами привычной зоны комфорта.

С точки зрения методов целью новых поколений, вероятнее всего, станет поиск новых оснований для философии, с вполне конкретной, занимающей не только философию, но и многие другие социальные науки (в частности, социологию последних десятилетий) целью переосмысления отношений между теорией и практикой, методом исследования и его предметом. История философии может служить здесь важным инструментом, помогая найти неучтенные, недооцененные или по каким-то причинам забытые подходы и тезисы, способные вывести текущую дискуссию из замкнутого круга повторяющихся аргументов⁸. Перед философами стоит непростая задача найти точку двойной свободы от ограничений: учитывать предшествующие философские традиции, но не замыкаться в них, разбираться и участвовать в современных междисциплинарных дискуссиях, но не игнорировать их предысторию.

Возможно, нарисованная картина выглядит слишком общей и оптимистичной. Однако именно оптимистичный (а не пессимистично-осторожный) взгляд, позволяющий активно и целенаправленно искать новые подходы, представляется мне и наиболее продуктивным для перспективы молодых поколений философов. Вместо готовых рецептов, которые в философии никогда не могут быть одинаковыми для всех или даже для многих, речь идет о выборе направлений для размышления и действия. В этих обстоятельствах романтизм не обязательно противоречит прагматизму в обыденном смысле слова – если мы не будем понимать под прагматизмом следование наиболее удобным, привычным и устоявшимся рецептам. В философии, как и в истории науки, самые большие прорывы всегда совершались благодаря смелым идеям.

⁸ Характерным примером, близким моим философским интересам, является антропологический подход, постепенно входящий в мейнстрим современной социологии и черпающий вдохновение из классических источников, в первую очередь в прагматической антропологии Канта, или из антропологии XX века, например у Гельмута Плеснера.